

**Чужой среди «своих»:
жизнь, посвященная поиску истины**

Заимствованную для названия фразу логично продолжить: свой среди «чужих», но это бы грешило против истины. Из переписки с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом¹ в 2000-х годах я понял, что ощущение социального дискомфорта было для него перманентным: как в СССР 1970-х, так и в США 2000-х годов. Это был дискомфорт не бытовой и не статусный. Ни здесь, ни там его профессиональный статус или материальные возможности не давали повода для сетования. В обоих случаях это был дискомфорт по причине противоречивости эвристического пути, в котором он стремился раствориться во имя открытия «изначальной духовности». Говоря иносказательно, это был поиск философского камня Парацельса, благородный и увлекательный по цели, но виртуальный по результатам. Именно таким я запомнил Владимира Эммануиловича как человека и исследователя, с единым устойчивым нравственным обликом и в повседневной жизни, и в творчестве: чуждым лицемерия, чванства и пустословия. Он любил людей, генетически был привержен принципу равенства и уважал достоинство человека независимо от его соматики или социального статуса. Но презирал тупость, нет, не «пористость» знаний – это восполнимо, а нарциссизм ханжи, подменяющего творчество самомнением.

Речь идет не об идеальном человеке – и к нему, как ко всем талантливым людям, применим принцип, высказанный римским драматургом Теренцием: *humani nihil a me alienum puto* (ничто человеческое мне не чуждо). Но о Человеке духовной чистоты, прямом и открытом, надежном, с присущим чувством такта и интеллектуального достоинства, никогда и ни при каких обстоятельствах не прогибавшимся под волю «попугчиков» науки.

Это квинтэссенция человека, мои контакты с которым были нечастыми и ограничивались на уровне аспиранта и руководителя, но, облик которого именно в такой палитре человеческих качеств присутствует в моем сознании по сей день.

Бывает, когда люди целенаправленно ищут друг друга, и это чаще всего случается на профессиональном поприще, а бывает, когда уместно сослаться на дар судьбы. Это относится и ко мне. Не будет преувеличением утверждение, что львиная доля заслуги в моем становлении профессиональным социологом принадлежит Шляпентоху Владимиру Эммануиловичу. Наверное, не последнюю роль в этом сыграла интуиция человека творческого склада ума, о чем можно судить по форме его «присутствия в логистике» моего поступления в аспирантуру.

¹ Шляпентох Владимир Эммануилович (англ. Vladimir Shlapentokh). Известный советский и американский (с 1979 г.) социолог. Родился 19 октября 1926 года в городе Киев, умер 6 октября 2015 года в Ист-Лансинг, штат Мичиган, США.

Если исходить из базового образования и жизненных навыков, я не был гуманитарием. Математик, учитель математики, переводчик венгерского языка – последнее по принуждению, как говорили в советское время в СССР: «рыба ищет, где глубже, а человек – где дают квартиру». Такая возможность в 1968 году у меня возникла в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ², где требовался переводчик-синхронист венгерского языка: перевод лекций по философии, политэкономии, международному рабочему и коммунистическому движению, истории КПСС, различной иной социальной и политической тематике. Непроизвольно я получил хорошую философскую и политическую подготовку. С 1970 года здесь же стали читать лекции по прикладной социологии, в основном по учебникам А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, Г.М. Андреевой. Эти лекции мне было интересно переводить, в них я почувствовал «стыковку» гуманитарного знания и математики, к этому предмету у меня появилась тяга. Не собственно к предмету, но мне казалось, что именно эта наука даст ответ на вопрос о причинах поведения людей, их альтруизма и агрессии, одухотворенности и низменности. Да и тяга к науке, всегда представлявшей для меня предмет вожаемой идентичности, вновь все чаще будоражила сознание: все равно, какая, лишь бы наука. В 1973 году в газете «Вечерняя Москва» прочитал объявление о приеме в аспирантуру Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР. Принимали 28 человек, в том числе 4-х по конкурсу, остальных по целевому направлению. Попытка – не пытка, пришел в аспирантуру и сказал: хочу поступать на заочное отделение (на очное смелости не хватило) по математическим методам в социологии. Для допуска к сдаче вступительных экзаменов требовалось написать реферат. Написал по выборочным методам и через неделю раздался на работе звонок, звонили из аспирантуры и предложили переписать заявление на очное отделение. Это было первое латентное проявление присутствия в моей жизни В. Шляпентоха – он оценил реферат и предложил аспирантуре пригласить меня на очное отделение. Лично его я не знал, а также только после поступления узнал, что принят в возглавлявшийся А. Здравомысловым сектор методики, в котором работал и В. Шляпентох.

В действительности некая фаталистическая опосредованная призрачная связь с В. Шляпентохом присутствовала еще в мои студенческие годы, о чем я случайно узнал, будучи в аспирантуре. В период моей учебы в университете лекции по высшей алгебре читал Айзенберг Наум Нисанович, один из организаторов математического факультета университета. Летом 1974 года я отправился с семьей в Закарпатье и до отхода поезда с Киевского вокзала вышел на перрон «подышать». Увидел запыхавшегося мужчину, спешившего с двумя чемоданами на поезд, в этот же вагон. Пошел ему навстречу, помог донести чемоданы и расположиться в купе. Он поблагодарил, и тогда ему сказал: «я вас помню, вы профессор Айзенберг, слушал ваши лекции и сдавал вам экзамен по высшей алгебре в Ужгородском

² Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

университете». «Очень приятно – ответил он, – а где вы сейчас работаете?». «Не по математическому направлению – ответил я, – учусь в аспирантуре Института конкретных социологических исследований Академии наук, руководитель у меня Шляпентох Владимир Эммануилович». «Володя Шляпентох? – спросил он удивленно – мы с ним вместе учились в школе в Киеве, передайте ему от меня привет». «Неприменно передам» – ответил я. По возвращении в Москву привет передал, В. Шляпентох его хорошо помнил.

Увидел впервые В. Шляпентоха на приемном экзамене по прикладной социологии в составе экзаменаторов, среди которых также были А. Здравомыслов, Г. Андреева. Увидеть увидел, однако не знал, что он это он, так как вообще никого не знал среди присутствовавших, равно как и среди именитых и неименитых социологов СССР. Узнал, кто такой В. Шляпентох, только когда после зачисления впервые пришел в сектор методики. Разговор был короткий: пока читайте социологическую литературу и готовьтесь к экзаменам, тему диссертации будете разрабатывать по квотной выборке, посещайте заседания сектора. Он не делал скорспелых выводов об аспиранте, не стремился к частой коммуникации, более того, не руководил. Его стиль взаимодействия заключался в ожидании инициативы со стороны аспиранта, который не должен был «впадать в спячку» и если научные амбиции аспиранта начали проявляться, тогда следовала череда глубоких бесед и обсуждений. В последующем я узнал, что иницируя мой приход на дневное отделение аспирантуры, он рассчитывал на сотрудничество в подготовке новой книги по выборочным методам исследования в социологии.

На первой встрече, когда я пришел на заседание сектора, В. Шляпентох предстал передо мной как большой рыжий мечтательный человек с отрешенным взглядом, даже немного рассеянный, как было принято показывать ученых в советских кинофильмах. Со временем я понял, что это не отрешенность и не рассеянность, а глубокая работа интеллекта, перманентное состояние творчества. Работа – это был его образ жизни. Часто после работы в Институте, в 17-18 часов вечера, он направлялся не домой, а в Библиотеку им. Ленина³, любой день без приращения если не новых знаний, то хотя бы новой информации казался ему потерянным.

Для подготовки к экзаменам требовалось посещать занятия, в том числе по прикладной социологии. Занятия по этому предмету проводили несколько преподавателей, в соответствии с тематикой лекций. По проблемам выборочного метода в социологии и достоверности эмпирических данных исследования лекцию читал В. Шляпентох. Уже на первом занятии стиль чтения лекции мне показался «угловатым», то есть, он не вписывался в традиции советской дидактики (кстати, неплохой): предложения были обрывистыми, часто отсутствовал логический переход от одной мысли к другой, мысль не всегда была завершенной и порой, в ходе рассказа, он сам осмысливал правильность утверждения, которое хотел высказать.

³ Сегодня Российская государственная библиотека.

Складывалось впечатление, что это не лекция, а собственное устное творчество лектора в диалоге со слушателями – коллегами, что-то похожее на научный семинар в секторе методики. Да и в политических терминах был «неаккуратен»: на первой же лекции я его поправил, когда выборку, согласно принятому на Западе, он назвал национальной, – в СССР она называлась общесоюзной. И в последующем, не раз звучали политические «констатации», которые для меня, формировавшегося в строгой политико-идеологической среде, казались несовместимыми с легитимированной советской политической культурой. Некоторая политическая «наивность» для В. Шляпентоха действительно была характерна, однако «угловатость» чтения лекций по социальной тематике была вызвана не этим, а тем, что он привык к научной логике и подмена формально-логических доказательств расценивалась им как лицемерие. «Обтекаемый» стиль, по сути – схоластический, уходящий корнями в теологию феодализма, а в советской идеологической практике подкрепленный мифотворчеством, обеспечивал видимость доказанности постулатов при чтении лекций по общественным дисциплинам. При изложении материала, не более чем созерцательного, фрагментарность лекции перерастала в плавно текущую идеологическую риторику посредством кажущихся логически непротиворечивыми мифологем, истинность которых подтверждалась ссылкой на «неоспоримый авторитет» (Маркс, Ленин, постановление Политбюро ЦК КПСС⁴...). Этой теологической политической культуры у В. Шляпентоха не было. Если по ходу чтения лекции он сталкивался с некоторым логическим противоречием, совесть претила ему прибегать к лукавству цитирования, он просто переходил к следующему предмету обсуждения, без спекулятивных «плавностей». Такая ситуация его удручала и лекции он читал редко. Предполагаю, что ему бы было легко читать лекции по математике, где на «нулевой» стадии многое также конвенционально, однако после согласования постулатов (гипотез) дальнейшие утверждения строго доказуемы с применением формальной логики.

Игнорирование дидактики при чтении лекций по социальным дисциплинам не есть свидетельство отсутствия у В. Шляпентоха дидактики в характере. Он был прирожденный учитель, более того, воспитатель, а лучше сказать, учитывая возраст аспирантов – авторитетный наставник. Его постоянно окружала молодежь, его слушали, с ним часто советовались и те аспиранты, у которых он не являлся руководителем.

Традиционными были походы на обед «молодежной стаей» во главе с Владимиром Эммануиловичем. Не очень часто, в явочные дни, их было два в неделю. Рядом с Институтом, который располагался на Новочеремушкинской улице, в здании другого академического учреждения – Института экономики мировой социалистической системы, находилась организация общественного питания с общедоступной столовой, магазином кулинарных полу-

⁴ Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза.

фабрикатов на первом и небольшим рестораном на втором этаже. Питание в столовой было дешевым, комплексный обед стоил в среднем менее 50 копеек⁵, но уж слишком «постный». Только «молодежная стая» В. Шляпентоха преимущественно обедала в ресторане, где комплексный обед стоил 2 рубля⁶, но зато на второе можно было заказать медальон из говядины. Блюдо было поистине фирменное, видимо, приготовленное первоклассным поваром. Мы все вместе – не более 6-ти человек – садились за длинный стол у окна (в 1970-х годах ресторан в обеденное время, как правило, был пустой), чаще всего в таком составе: Владимир Эммануилович, Елена Петренко, Татьяна Ярошенко, Самуил Клигер (сейчас проживает в США), Михаил Косолапов и я. Иногда к нам присоединялись Михаил Мацковский и Владимир Шапиро. Обедали мы не спеша, вели научные беседы.

Однажды В. Шляпентох рассказывал за столом о проблемах, возникавших по ходу подготовки им книги о выборке и репрезентативности социологической информации. Как раз в этот период, для одного из параграфов моей будущей диссертации он поручил сделать контент-анализ методического обеспечения социологических исследований в СССР, проведенных за период 1965-1973 годы. Я приступил к анализу, для чего «засел» на целые дни в библиотеку и стал просматривать книги. Шляпентох торопил с работой, говоря, что можно дать и предварительные «сырые» цифры. Но предоставить незавершенный материал было не в моем характере, в итоге работу сделал и написал отчет. Принес в сектор методики, передал Шляпентоху и он сразу приступил к чтению. Через некоторое время группой пошли в ресторан обедать. В ходе беседы за столом о своей будущей книге по выборке Шляпентох рассказал о наиболее интересных результатах анализа методического обеспечения советских социологических исследований. По-моему, Елена Петренко спросила у Шляпентоха: «Это Франц уже посчитал результаты анализа?» «Да, – ответил Шляпентох, – и написал отчет». «Получилось, или фрагменты?» – спросила Петренко. «Получилось», – ответил задумчиво Шляпентох, – «он завершающий». И, помолчав немного, добавил: «гены, ... гены». Я понял, что намек касается моих еврейских генов по линии матери. И в этой констатации проявился абсолютизм Шляпентоха в оценке потенциала своего этноса. Сегодня, опираясь на историческую ретроспективу могу сказать, что насчет потенциала этноса в принципе он был прав, но только относительно естественных наук и в какой-то степени прикладной социологии, но никак не социологии в смысле теории цивилизаций⁷. Поясню образно свой вывод: я не знаю в природе цветка, достигшего полноты цветения и продолжающего достигать «еще большей полноты цветения». Получится, как у Михаила Булгакова в романе «Мастер и Маргарита»:

⁵ По государственному курсу (рыночного курса не было) доллара США, в то время примерно – 75-80 центов.

⁶ Примерно \$3.

⁷ По этой проблематике позиция автора изложена более детально в статьях: «Этногенез российской государственности»; «Политика как социальный институт». www.socioprognoz.ru

осетрина первой, второй и т.д. *свежести*. После достижения полного цветения, на некоторый период наступает стагнация, как бы «самолюбование» раскрытого цветка, а потом – увядание. Это закон природы. По этой же причине К. Марксу социальная часть построенной им теории давалась преимущественно в форме классовой борьбы, то есть идеологии, в то время как теорию политэкономии он изложил филигранно. Эта позиция в последующем и для В. Шляпентоха явилась камнем преткновения в понимании объективных причин глобальных социальных процессов.

Порой рассказывал анекдотические случаи. Помню, как-то рассказал о заседании одного ученого совета по защите диссертации о методах формирования *таксонов* (статистических типологических групп), где он участвовал. На заседании присутствовал академик, которому было 90 лет. Во время выступления соискателя он дремал. Завершились прения, и председатель совета предложил приступить к голосованию. Тут очнулся академик: «Да, конечно, надо уже голосовать... Но, все-таки, эти *токсины* очень ядовитые». Мы все смеялись, ведь такой казус с академиком – он проспал защиту диссертации и даже не понял, по какой теме шла защита. Мы называли подобные анекдоты пионерскими, но юмор такого уровня – это все, что позволял себе В. Шляпентох⁸.

Заседания сектора методики проходили интересно. Он был создан в Институте для того, чтобы все сотрудники, готовящие социологическое исследование, предварительно обсуждали свои методики (модель выборки, анкету...) с экспертами и только после визирования в этом секторе получали от администрации согласие на проведение полевого этапа исследования (правда, потом анкету еще утверждал Главлит, т.е. цензура). Для меня стиль обсуждения был непривычен. Вроде бы начиналось корректно, внимание участников было нацелено на предмет обсуждения. Но такая корректность длилась не более 10-15 минут, после чего или обсуждаемый вспылывал, или обсуждающий в оценке использовал «некорректный» термин, и начинался обмен обвинениями с переходом на личности. Наиболее спокойными при таких обсуждениях были А. Здравомыслов и В. Шляпентох. Я был поражен и другим, что после обсуждения уже все беседовали мирно на отвлеченные темы, или шли в буфет пить чай, будто совсем недавно никто никого не «обзывал».

Более жестко проходили дискуссии на партийных собраниях – тут язвительными эпитетами обменивались, как мячом в волейболе (не будучи членом КПСС, В. Шляпентох на таких собраниях не присутствовал). В последующем я пришел к выводу, что это органичный для Института стиль межличностной коммуникации, враждой этот стиль назвать нельзя. Зигмунд Фрейд назвал бы его коллективным неврозом неустроенных политических функци-

⁸ У него было чувство юмора, но лично я никогда не слышал, чтобы он рассказывал «классический» анекдот.

онеров. И был бы прав, многие из «отцов» советской социологии пришли с политической работы, после партийных конфликтов. Пришли делать науку? Может быть, а может, нет. Сегодня у меня такое впечатление, что у большинства ведущих социологов в Институте пафосные разговоры о научном призвании являлись подсознательной компенсаторной функцией снятия психологического стресса от обиды за насильственно прерванную политическую или дипломатическую карьеру в условиях нарастающей конкуренции поколений. По этой причине, различий в «научных» целях тех, кто читал в вузах лекции по историческому материализму, политэкономии капитализма или социализма, научный коммунизм, научный атеизм... и тех, кто решил «творить» прикладную социологию не было. Уровень экономического развития государства достиг той стадии, когда назрела необходимость выбирать: или продолжить управлять страной в опоре на единую идеологию, исходя из факта, что сознание населения все еще общинное и для развития экономики феодальные распределительные отношения вполне эффективны (хотя полки магазинов уже пустовали); или пора придать рабочей силе динамизм, создать условия для ее территориальной миграции, заменив директивное управление правовым, или хотя бы псевдо-правовым (как и получилось в итоге), требующим более гибкой манипуляции сознанием населения. В последнем случае была нужна подробная оперативная информация для прогноза поведения масс и регулирования отношений государства и населения в политической сфере посредством управления общественным мнением. Эту задачу могла выполнить прикладная социология, опросы общественного мнения, о чем еще в тот период писал в газете Валентин Зорин, известный советский политолог, американист, длительное время наблюдавший практику опросов общественного мнения в США и методы манипулирования результатами опросов.

Ни представители исторического материализма, ни представители эмпирической социологии не собирались менять социалистическую систему – она их кормила, насколько хорошо, это могут сказать те, кто по возрасту имеет возможность сравнить оплату труда ученых и преподавателей вуза в советское время и сегодня. Не хотел менять социально-ориентированную систему социалистической формы и В. Шляпентох. И в научном, и в художественном аспекте он был широко эрудированным интеллигентом, не признававшим приоритета материальных ценностей, напроочь лишенный психологии рантье, приверженный духовным ценностям. Для него, как и для абсолютного большинства советских обществоведов, социализм был приемлемой системой государства, он хотел и мог интенсивно работать, и за труд получал достойное вознаграждение. Иных видов дохода, кроме, как трудового, он не мыслил. Это та психология (или миссия?), пример которой приводит Александр Солженицын в романе «В круге первом», повествуя о результативной работе ученых в совет-

ских «шарашках»⁹ сталинских времен. Убежденность советских обществоведов в незыблемости социалистической системы для СССР дал свой результат: никто из социологов даже намеком не предсказал предстоящий распад империи¹⁰. К Шляпентоху этот вывод не относится, за полтора десятилетия до распада он не проживал уже в СССР, хотя уверен, его позиция не отличалась бы от позиции коллег – социологов. Все, чего они хотели – это «социализм с человеческим лицом», который по их мнению мог содействовать дальнейшему расцвету СССР: развивающееся колхозное село (фермы? – не обязательно), закрепленное пропиской за «феодами» трудовое население, возрастающая роль КПСС в управлении обществом, говоря языком экономики – сохранение господствовавшей фискальной, а значит и распределительной системы. Обществоведы – теоретики, или как их еще называли – «истматчики», выполняли функцию толкователя учения Маркса, Ленина, постановлений ЦК КПСС, а социологи – прикладники занимались, вульгарно выражаясь, «пересчетом чечевицы». И плодить эту социологическую «цифирь» можно было на все вкусы и запросы, до бесконечности. Но известно, что механическая сумма деревьев не есть лес, лес – это экологическая система. Таким образом, прикладная социология была способна выполнить роль не более, чем инструмента формирования оперативной социальной статистики для органов управления и эта функция сохранилась за ней и сегодня, то есть она не что иное, как *интеллектуальное ремесло*. Столкнувшись с чрезмерно формализованной американской прикладной социологией (за счет насыщенности математическими методами, типа, для поиска «формулы любви»), в 2000-х годах В. Шляпентох пришел к выводу об ограниченности эмпирической социологии узкими задачами повседневности. В одном из адресованных мне писем он сделал заключение, что главная проблема современной социологии – отсутствие собственного метода. Это стимулировало его обратиться к теоретическим вопросам социологии. Однако вернемся к советскому периоду.

В 1970-х годах В. Шляпентох еще абсолютный приверженец эмпирической социологии. Он с большим интересом проводит исследования читательских интересов подписчиков газет и журналов, пытаясь найти индивидуализированную мозаику структуры массового сознания. Но самобытности не получалось, эмпирические данные опросов всегда показывали некую аморфную эклектику идеологических штампов. Проявлялось то, о чем в последующем сказал Б.А. Грушин, основываясь на результатах своих многолетних опросов обще-

⁹ Научно исследовательские институты (НИИ) и конструкторские бюро (КБ) тюремного типа, подчинённые НКВД/МВД СССР, в которых работали осуждённые учёные, инженеры и техники.

¹⁰ И это в условиях, когда в советской партийной и комсомольской образовательной системе читались лекции о верифицированных практикой развитых стран экономических причинах и механизме распада колониальных систем (в обычных вузах такие лекции не читались), а широко развернувшиеся в СССР ударные молодежные (комсомольские) стройки свидетельствовали о начале вывода русского населения из этнических республик, прежде всего Средней Азии, по причине нарастающего социального и межэтнического напряжения.

ственного мнения¹¹: в СССР не было общественного мнения как формы выражения индивидуальных мнений, консолидированных тождеством интересов, вместо этого было идеологически сцементированное аморфное массовое сознание *государственных подданных*. В. Шляпентох сетовал, что при обобщении итогов опроса читателей журнала «Советский экран» и ожидании широкого спектра индивидуальных высказываний об артистах, киногероях, сюжетах, в действительности ответы получались одноликие, как «стадо клонированных овец»: все отвечали фразами, прочитанными в статьях кинокритиков, размещенных в этом же журнале. Индивидуальные мнения, скорее всего, были, но не было социологической культуры и респонденты в авторитарном государстве опрос воспринимали как допрос, поэтому старались отвечать «официально», как это читали у уважаемого критика.

Аспиранты наряду с сотрудниками Института тоже участвовали в проведении интервью. Я участвовал однажды в интервьюировании читателей газеты «Труд» в Москве. Опрос проходил на дому, вечером, когда люди уже возвратились с работы. Участие респондентов было добровольным, но никто не отказывал. Шляпентох ожидал, что тредюнионистское сознание представителей различных профессиональных групп результирует дифференцированные суждения по трудовым и социальным проблемам. Однако и у рабочих, и у инженеров суждения были одинаковые и изобиловали штампами из газетных передовиц, призванных ежедневно внедрять в сознание трудящихся «генеральную линию партии», в рамках которой, как говорилось тогда в анекдоте, колебаться разрешалось, т.е. суждения не должны были выходить за рамки идеологически дозволенного. Что касается тредюнионистского сознания, его не было (кстати, нет по сей день) так как профсоюзы создавались не рабочими массами, как выражение корпоративных профессиональных интересов, а были «казенными», по принятой тогда формулировке – «приводным ремнем от партии к массам», и кто кого держит на ремне – это проявилось в результатах опроса. Шляпентох считал, что проблема все-таки в методах исследования и если повысить точность модели выборки, валидность формулировки вопросов в анкетах, качество интервьюирования, т.е. в сумме – достоверность социологических данных, тогда проявятся закономерности, свободные от нормативных оков социалистической институциональности. Доказательству этой гипотезы он посвятил основное время своей творческой деятельности в прикладной социологии – искал в ней науку, и это была ошибка.

Одна из ошибок заключалась в том, что, будучи абсолютно доверчивым человеком, он не смог сбросить с себя пелену заблуждения, будто в Институте все творят науку, хотя в последующем и сам сказал, что никто никакой социологии в СССР 1960-1970-х годов не создал. В беседе со мной он отметил, что сначала методы прикладной социологии советскими

¹¹ См.: Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. Политиздат. М.: 1987.

становящимися социологами заимствовались из исследовательской практики польских, а потом американских социологов – прикладников. Что касается подготовленных в то время советских пособий по прикладной социологии, они были результатом самообразования в ходе освоения методов социологического исследования из зарубежных учебников, причем, не всегда адаптированные к советской действительности, недостаточно полные. Были «неудобные» разделы, которые без хорошего знания математики излагать трудно и они в появившихся в СССР учебниках не рассматривались или рассматривались тезисно. К таковым относятся, например, теория выборки, теория измерения.

Впервые самостоятельный анализ проблем достоверности социологических данных с достаточной основательностью и с учетом советской социологической практики провел В. Шляпентох¹². Он искал ответы на вопросы: почему эмпирические результаты исследований не раскрывают устойчивых закономерностей социальных процессов? Что не так в методике или процедуре сбора социологической информации? Научные инициативы В. Шляпентоха многим коллегам были «не по нутру». Их волновал только спор с «истматчиками» – кто предлагает более правильный рецепт сохранения устойчивости СССР и социалистической системы и посему, кто КПСС нужнее, важнее и дороже. Ведь быть востребованным партией в советское время – это был отличный бизнес (сейчас тоже). В. Шляпентох со своей настойчивостью и научной суетливостью мешал. Наука была не нужна, надо было только убедить органы власти, что они нуждаются в эмпирическом материале и что этот материал и есть инструмент построения научно обоснованного управления государством, хотя при этом может оставаться и марксистская апологетика. Какая там наука, кормящего благодетеля надо спасать, – и они «тактично» стали В. Шляпентоха выдавливать из Института. Нет, не на Новочеремушкинскую улицу, слишком близко, и не обратно в Новосибирск¹³ – это уже не ссылка, и на Колыму – не за что, социология вновь разрешена, значит, грубо выражаясь – «за бугор». И тогда не будет мешать. Как иностранец – он в СССР вне игры, можно типа уважать, но именно как иностранца, аллегорично – как льва в клетке. Признавали его научные заслуги, но лекции читать в университетах не давали и в делегации от Института на зарубежные конференции не включали. Характеризуя механизм вытеснения В. Шляпентоха из СССР, я основываюсь на моих беседах с его коллегами, происходивших уже в 2000-х годах.

До и после отъезда распространялись слухи о том, что его выдавливали из страны партийные органы. Не мне рассказывать такие сказки. В учреждениях при центральных полити-

¹²См.: Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973; Шляпентох В.Э. Как сегодня изучают завтра. М.: Советская Россия, 1975; Шляпентох В.Э. Проблемы репрезентативности социологической информации. (Случайная и неслучайная выборка в социологии). М.: Статистика, 1976.

¹³ Здесь он ранее работал, в Академгородке.

ческих органах я проработал более 20-ти лет и хорошо знаю отношение партийных работников к прогрессу. Еще в бытность переводчиком я много работал с комсомольскими и партийными делегациями и участвовал вместе с ними в застольях. Все они прекрасно понимали ход истории, там звучали такие речи, за которые простых граждан квалифицировали бы диссидентами. Да и переход к рынку в 1990-х годах инициировали «сверху», но никак не массы и не социологи. Партийные функционеры старались всячески поддерживать «белых ворон», которые порой не вписывались в общий фон устойчивой на данный момент общественной структуры, однако являлись предвестниками будущих запросов государства, особенно, если речь шла об ученых¹⁴. Отпор получала только попытка вмешаться в политику. В. Шляпентох не был политиком, он был ученым, он не мешал партийным работникам. Но ему не хотелось верить в конкурентное давление со стороны коллег и он подсознательно «переводил стрелки» на партийных функционеров. Это было своего рода самовнушенное заблуждение. Живя уже в США, он постепенно осознал это и выразил свой протест скромно, в посвящении своей книги «Современная Россия как феодальное общество» (2008г.): *«Моим дорогим российским социологам: Борису Фирсову, Борису Грушину, Елене Петренко, Владимиру Шубкину и Владимиру Ядову»*. Вот и весь список, кого он упомянул из числа своих соратников по советской социологии. По моим наблюдениям, единственный человек в Институте, понимавший ситуацию В. Шляпентоха, высоко ценивший его человеческие качества, научный талант, всегда старавшийся поддержать – это был Анатолий Георгиевич Харчев, первый главный редактор учрежденного в 1974 году академического журнала «Социологические исследования». Это я знаю достоверно, мы были с ним дружны и всегда беседовали откровенно.

Неудобство для коллег составляла и инициатива В. Шляпентоха по изучению советского прошлого прикладной социологии. Среди «отцов» советской прикладной социологии негласно бытовал консенсус по поводу того, что свои познания они заимствовали от американских социологов. Это так и было, потому, что, не имея по объективной причине профессионального социологического образования, они не обладали информацией о прошлом советской прикладной социологии, да и была она десятилетиями в загоне, начиная с 1930-х годов. В. Шляпентох обратил внимание на наличие таких работ и занялся их изучением. Я «наткнулся» на эти работы в Библиотеке им. Ленина, когда занимался контент-анализом методического обеспечения социологических исследований, проведенных в 1965-1973 годы. Исследования 1920-х годов – это богатый арсенал прикладных работ, востребованных системой государственного управления в условиях коренной ломки экономических, социаль-

¹⁴ Например, Б.А. Грушин возглавил в 1960 году первый в СССР Институт общественного мнения «Комсомольской правды». Эксперименты социальных инноваций всегда начинались в комсомоле, однако без согласия на то центральных партийных органов подобный Институт не мог быть создан, равно, как и Институт конкретных социологических исследований Академии наук СССР.

ных отношений и идеологии. Исследования проводились не для эвристики, а как социальный заказ на поиск характера и мотивации поведения различных социальных групп населения, для выработки рекомендаций в органы управления. В 1960-1970-х годах не было такого богатого тематического спектра социологических исследований, какой был в 1920-х годах: исследования читательских интересов, реакции кинозрителей на фильмы становящегося кинематографа, изучение бюджета времени школьников, рабочих, различных проблем молодежи, девиации, здорового образа жизни, мировоззрения и т.д.¹⁵ Если быть «беспардонным», то в США еще не слышали слово социология, когда в СССР она практиковалась уже в широких масштабах. В начале 1930-х годов, когда в СССР социологические исследования свертывали, трансформируя в краеведение, в США Дж. Гэллуп проявил интерес к изучению массового спроса на товары и услуги и его начинание постепенно переросло в политический маркетинг в форме изучения общественного мнения¹⁶.

Почему коллегам В. Шляпентоха была не по вкусу его активность по освещению богатого советского социологического опыта 1920-х годов? В качестве иллюстративного примера приведу свой казус. В университете я занимался в секции по классической борьбе (был в весе «мухи» – 52 килограмма). Секция располагалась в том же здании, в котором занимались тяжелоатлеты. Однажды во время тренировки в наш зал вошел представитель команды тяжелоатлетов физико-математического факультета и спросил, есть ли кто с этого факультета в легчайшем весе. Я поднял руку. Он предложил участвовать в соревновании по тяжелой атлетике среди факультетов, так как в таком весе у них никого нет, и они теряют зачетные очки. Как патриот факультета счел своим долгом их поддержать: выжал свой же вес – 52 кг, толкнул 65 кг. И стал чемпионом университета в легчайшем весе: у остальных факультетов участника в такой весовой категории тоже не было, т.е. на соревновании я был единственным. Такими единственными в СССР хотели быть и «отцы» советской социологии и активность

В. Шляпентоха по реанимации социологической практики 1920-х годов, видимо, лишала их лавра первооткрывателей, пусть даже только в собственной стране (заимствовали-то все у американцев).

Разговор об эмиграции В. Шляпентох в бытность мою аспирантом не вел, но уже зондировал возможность. На дне рождения одного из членов «молодежной стаи» – запомнювал, кого именно, – мы собрались у именинника дома, примерно той же молодежной группой, ко-

¹⁵ Результаты анализа методического уровня исследований 1920-х годов, а также контент-анализа методического обеспечения социологических исследований 1965-1973-х годов содержатся в приложении учебного пособия по прикладной социологии: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Институт социологии РАН. М.: 2012.

¹⁶ Об этом подробно изложено в книге: Б.З. Докторов. Нескончаемые беседы с классиками и современниками. М.: ЦСПиМ. 2018.

торой ходили в ресторан обедать. После поздравлений именинника беседа велась непринужденно, не за столом, а малыми группами, «врассыпную». Он тоже беседовал в группе, по моему, с Еленой Петренко и Татьяной Ярошенко, наверное, еще Самуилом Клигером. Неожиданно Шляпентох повернулся ко мне и спросил: «Франц, предположим, вы приняли решение уехать из СССР, какую бы из двух стран вы выбрали, Израиль или США?». «Не Израиль – ответил я». «Почему? – спросил он». «Потому, что там негде развернуться, страна маленькая, кроме того, там невозможно выделиться, все евреи, даже уборщица, значит, социальные противоречия, конфликты такие же, как и здесь, зачем тогда ехать? – сказал я». На эту тему мы больше никогда не беседовали, однако я понял, что В. Шляпентох собирается покинуть страну и потом он действительно уехал – в США.

Последний раз мы встретились в составе «молодежной стаи» в ресторане у станции метро Кропоткинская в октябре 1976 года, чтобы отпраздновать 50-летие Владимира Эммануиловича Шляпентоха. Мы поздравляли, говорили тосты, но не шутили, настроение было угрюмое в предчувствии вероятного расставания. Потом еще была моя диссертационная защита в 1977 году – больше до эмиграции наши пути не пересекались.

В следующий раз я с ним встретился только в 1989 году, когда он впервые приехал из США в СССР. Разместился в гостинице «Космос» и пригласил всю «молодежную стаю» на завтрак. Я тоже пришел, поздоровался, подарил расписной самовар (только появился на советском рынке), выразил радость видеть его вновь в стране, спросил о здоровье, однако на коллективный завтрак не остался, может, спешил куда-то.

В 1991 году (по моему – в августе) он вновь приехал в СССР, остановился в гостинице «Метрополь» с супругой. Предварительно супруга ездила в Ленинград¹⁷ и мы с ним ее утром встречали в Москве на Ленинградском вокзале. Я пригласил их на завтрак. За столом разговор шел общий, о жизни, науку мы не затрагивали. В стране происходили бурные перемены, делать выводы и прогноз стало рискованно, легко ошибиться, хотя я высказал мнение, что считаю грядущий распад СССР неминуемым. Ощущалось, что он многое переосмысливает. Видимо, окончательно пришел к выводу, что эмпирическая социология не дает ответы на глобальные социальные вопросы, ограничиваясь частными проблемами отдельных стран, а то и небольших территорий или отдельных организаций. Это было естественное следствие сопоставительного анализа на базе собственного жизненного опыта, приобретенного длительным проживанием в двух сверхдержавах. Мой вывод проистекает из того, что с середины 2000-х годов стали выходить в свет только его теоретические книги¹⁸.

¹⁷ Сегодня – Санкт-Петербург.

¹⁸ Шляпентох В.Э. «Современная Россия как феодальное общество». Столица Принт. 2008 (в США на английском языке издана в 2007 году: Vladimir Shlapentokh. Contemporary Russia as a Feudal Society. Palgrave

Это разумные книги. На книгу «Современная Россия как феодальное общество» я дал рецензию в журнале «Демоскоп» и высоко оценил стремление синтезировать свои богатые фактологические знания в теоретическую оболочку, что ему в целом удалось. Рецензия носила концептуальный характер и, прочитав ее, В. Шляпентох написал: «Франц, вы даже не знаете, или, может быть, знаете, насколько здесь не хватает аналитически мыслящих социологов». Он не был разочарован американскими социологами, просто констатировал факт их чрезмерной прагматичности. В своих теоретических книгах В. Шляпентох впервые пытается проанализировать социальные процессы двух сверхдержав, прибегая к модели общественно-экономических формаций. Изложено все логично и аргументировано, в опоре на неопровержимые факты, и все же описательно. Еще К. Маркс отметил, что элементы всех предшествующих присутствуют в последующих общественных формациях в некотором измененном виде. Образно говоря, не может быть так, что корни, ствол, ветви, листья дерева – все растут сами по себе. Они образуют единое целое независимо от того, что ствол из года в год грубеет, обрастая «корявой» корой, а листья ежегодно «молодеют».

Мысль В. Шляпентоха о феодализме в России в концентрированном виде выразил художник, оформивший в 2008 году обложку его книги (см. рис. 1). Не ново, со стороны не всегда виднее. Уже в 1990 году на московском вернисаже художники Илья Пиганов и Владимир Гусев (см. рис. 2 и 3)¹⁹ выразили эту мысль более, чем убедительно. Теоретические построения В. Шляпентоха разумные, но приступил он к теории поздно, и она вылилась лишь в политологическое оформление эмпирических фактов.

Рисунок 1

Обложка книги В. Шляпентоха (2008г.)

Macmillan, St. Martin's Press, LLC); Vladimir Shlapentokh and Joshua Woods. Feudal America. Elements of the Middle Ages in contemporary society. University Park, PA: Penn State Press, 2011.

¹⁹ Обе картины находятся в собственности автора. На вернисажах начала 1990-х годов было много подобных картин политического содержания, в которых художники выразили свое видение ситуации в реформирующейся России, т.е. в художественно-протестной форме «высказали» то наблевшее, что годами накапливалось в их сознании.

Рисунок 2

Илья Пиганов: «Золотая простокваша» (1990г.)

Рисунок 3

Владимир Гусев: «Белеет парус одинокий» (1990г.)

Его «конек», однозначно – эмпирическая социология. Но она базируется на формальной логике, т.е. математике и в социологии прогностическая возможность таких моделей ограничена. В естественных науках модель не меняется, она выражает функциональную зависимость, чаще всего в виде формулы. В общественных науках субъект познания одновременно является объектом познания. Изменяется сам познающий себя социальный объект, он динамичный, как и любой иной биологический объект. Например, можно прогнозировать приращение веса гусеницы, но только на несколько дней, т.к. через определенный период времени она превратится в иной объект – бабочку. Для анализа динамических объектов на первой стадии необходимо прибегать к диалектической логике и строить не математические, а категориальные (вербальные) модели. И если мы решили рассуждать на уровне цивилизации, тогда безразлично, идет ли речь о России, США, Древнем Египте или Вавилоне – есть понятие государства и его функций в распределительных отношениях, без конкретизации. Частные случаи – это иная модель, не теоретическая, а эмпирическая, т.е. действительно частная. А насчет феодализма, как характеристики современной России: никто не запрещал советским социологам, при некоторой жертвенности, говорить об СССР диктатуры пролетариата (было записано в конституции), о крепостном статусе лишенных до 1960-х годов паспорта (по сути – гражданства) крестьян, феодальном статусе «намертво прописанных» по мету проживания горожан.

Распад СССР породил демократическую, более того, в 1990-х годах анархическую Россию и было правомерно ожидать восстановления имени тех ученых, кто содействовал развитию социологии в СССР, но был «не понят». На это надеялся и В. Шляпентох. Но вместо научной реабилитации в родной среде отторжение продолжилось – его имя просто игнорировали. Почувствовав это, он высказал свое возмущение в статье «Умолчание имен как индикатор авторитаризма»²⁰. В ней он вначале сетует на то, что «индикатор, характеризующий число имен, подлежащих забвению, начал работать в СССР в конце 1920-х годов, когда авторитаризм достиг уже высокого уровня». Видимо – это об огромном числе социологов того периода, развернувших активную работу по содействию становлению цивилизованного государства, а потом вынужденных эмигрировать или репрессированных. Возлагая вину на КГБ за прошлые репрессии, он по инерции переносит вину за умолчание на современном этапе имен известных советских социологов на «КГБизацию» России. В политическом аспекте не актуально. Во-первых, никакое КГБ не советовал новоиспеченным «социологам» предаваться мелочному хамству. По большому счету, сегодня у силовиков хватает более значимых собственных забот, например, терроризм, наркотики, коррупция, чем заниматься стимулированием базарной склоки девальвированных обществоведов. Во-вторых, в самой России разговор на предмет «КГБизации» ведется давно, в меньшей степени в форме порицания, в большей – об объективности и обоснованности периода приоритета директивного управления страной, причем открыто рассуждают об этом сами представители ФСБ. Например, В.В. Черкесов в бытность директором Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков²¹ в опубликованной в газете "Коммерсантъ"²² статье, посвященной «междоусобице внутри так называемого чекистского сообщества», по поводу сетований о засилье «чекизма» писал: «Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за этот самый "чекистский" крюк. И повисло на нем. А кому-то хотелось, чтобы оно ударилось о дно и разбилось вдребезги. И те, кто этого ждал, страшно обиделись. И стали возмущаться, говоря о скверных свойствах "чекистского" крюка, на котором удержалось общество... И все же мы помогли в конце концов удержать страну от окончательного падения...». В данном случае я не ставлю акцент на констатации – это предмет дискуссии, но хочу подчеркнуть, что многие социальные проблемы России, которые представляются сенсационными взгляду «оттуда», в самой России хорошо осознаны и политиками, и обществоведами, да и населением тоже, по-

²⁰ Шляпентох В.Э. Умолчание имен как индикатор авторитаризма. О том, как новые руководители российской социологии вычеркивают из истории имена ее основоположников. «Новая газета», Научно-популярное приложение "Кентавр". №5, 26 сентября 2007 г.

²¹ Ранее был в должности первого заместителя директора ФСБ России (В.В. Путина), а также членом Совета Безопасности Российской Федерации.

²² Черкесов В.В. «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». Газета "Коммерсантъ", 9 октября 2007г. Эта проблематика была им обозначена еще раньше, в статье "Мода на КГБ?", опубликованной в газете "Комсомольская правда", 29 декабря 2004 года.

этому для российского общественного мнения представляют собой не более, чем утилитарный элемент механизма конструирования гражданского общества *в российских реалиях*.

В то же время изложенные в статье мысли В. Шляпентоха о забвении имен «отцов» советской социологии, образно говоря, попадание «в яблочко». Я попытался напомнить социологам России о В.Э. Шляпентохе, логически объединив три изданные им в советский период монографии – и на сегодняшний день самые лучшие методические работы, – вновь издав тиражом 1000 экземпляров и разослав в библиотеки университетов страны, научные учреждения²³. Не слышно даже комариного писка.

Почему так случилось? Ведь в 1990-х годах уже не было партийных функционеров, которые, якобы, травили социологов. Границы были открыты для движения и товара, и людей, и идей. Однако, обострилась конкуренция: с распадом СССР и роспуском КПСС «на улицу» попали сотрудники бывших партийных образовательных и исследовательских учреждений, преподаватели вузов по истории КПСС, научному коммунизму, научному атеизму, историческому материализму, политэкономии.... «Новая» власть предложила им выбрать из двух специализаций: политология или социология²⁴. Поступок поистине гуманный, все-таки граждане своей страны и семью надо кормить. Но это был также шаг к *проституированию социологии как науки*. В таких условиях социологи уровня В. Шляпентоха лишние, он мешают выживанию когорте обществоведов, не по своей воле в одночасье ставших «социологами».

По своим человеческим устремлениям Владимир Эммануилович Шляпентох был консолидирующим. В этом наши характеры полностью совпали. Он любил работать в коллективе, тем более, что совместные усилия требовались для проведения прикладных исследований. Искал любые поводы для коллективных научных бесед или совместной творческой работы с коллегами. Помню, в день защиты кандидатской диссертации мой первый оппонент – Владимир Александрович Ядов – возвращался в Ленинград поздно ночью. В то время было принято устраивать банкет после успешной защиты диссертации, но с приглашением широкого круга коллег и друзей это было уместно делать в ресторане. Места в ресторане заранее не заказывали: а если защита не состоится (не будет кворума) или будет провальной? Поэтому банкет планировали на следующий после защиты день. Мне очень хотелось пообщаться подольше с В. Ядовым; и А. Здравомыслов присутствует, и В. Шляпентох... Я проживал в

²³ Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. ЦСП. М.: 2006.

²⁴ У меня нет точных данных о квалификационном составе социологов в 1990-е годы, однако в феврале 1998 года провел опрос на первом Всероссийском конгрессе политологов и получил следующие результаты: профессиональных политологов, т.е. и ранее специализировавшихся в этой области – 10%; бывших историков КПСС, специалистов по историческому материализму, научному коммунизму, политэкономии, партийному строительству, ставших в новых условиях «политологами» – 62%. Исходя из этого факта и основываясь на своих личных наблюдениях, могу предположить, что аналогично формировался и состав единовременно и массово «рекрутированных» социологов.

Московской области, и собраться у меня было затруднительно, по времени. Посоветовался с Андреем Григорьевичем Здравомысловым и он предложил собраться у него дома. Окрыленный предвкушением исторического «заседания» я срочно занялся приготовлениями. Вечером мы действительно собрались вместе, и лицо В. Шляпентоха сияло. Оживленно беседовали о социологии, я предложил им объединить свои усилия и совместно подготовить качественный учебник по прикладной социологии для вузов. Идея вызвала положительный отклик, но так и осталась идеей. В 2000-х годах, имея свой бизнес и материальные возможности, сам попытался консолидировать российскую социологию и издал более 200 книг, в том числе 30 учебников и учебных пособий – 90% на свои личные средства. Разослал весь тираж безвозмездно в библиотеки и на социологические кафедры университетов России. Мне хотелось помочь резко разросшемуся контингенту преподавателей социологии, аспирантам и студентам, да и в целом повысить социологическую культуру в стране. Не делал разницы между «академистами» и «идеологами», не вникал в их междоусобицы, симпатии и антипатии, для меня было главное – наличие относительно качественной социологической работы. О толерантности в подборе книг можно судить по составу наиболее известных авторов²⁵. В 2017 году основные книги по социологии (до 30-ти) передал на 15 лет безвозмездно и со всеми правами издательству «Юрайт» (с согласия авторов, или их наследников). При этом, по сей день за свой счет готовлю и передаю откорректированные верстки для 2-го издания, чтобы как-то подкрепить проявленную издательством инициативу в распространении социологических работ в российских вузах в бумажной и электронной формах. При возможности точно так бы поступил Владимир Эммануилович Шляпентох.

Преданность идее консолидации социологов прозвучала и в последнем с ним телефонном разговоре. В 2013 году я переиздал книгу В.А. Ядова²⁶ и он пригласил меня отметить это событие в ресторане. Мне не хотелось для него неудобств – с возрастом шум ресторана переносится все труднее – и предложил собраться у меня дома, в более спокойной обстановке. Он согласился. Я сообщил по электронной почте о предстоящем «застолье» Б. Докторову, в США, а он – В. Шляпентоху (не поставив меня в известность). В период нашей беседы за столом сначала позвонил Б. Докторов и поздравил В. Ядова с выходом книги, потом позвонил В. Шляпентох и сказал: «Франц, какое вы сделали большое дело, что собрались вместе». Фразу адресовал мне, но теплота чувства, с которой он это сказал, словно была адресована всем российским коллегам-социологам, родным для его памяти.

²⁵ Горшков М.К., Дмитриев А.В., Докторов Б.З., Константиновский, Д.Л., Осипов Г.В., Руткевич М.Н., Рыбаковский Л.Л., Рывкина Р.В., Тощенко Ж.Т., Харчев А.Г., Чангли И.И., Шляпентох В.Э., Шубкин В.Н., Ядов В.А. Весь спектр изданий представлен на сайте: www.socioprognoz.ru

²⁶ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция (коллектив авторов) / Под ред. А.В. Ядова. М.: ЦСПиМ, 2013.

Надеюсь, в будущем память молодого поколения социологов имена творивших советскую / российскую социологию будет соизмерять с уровнем научности трудов, таких, какие создал Владимир Эммануилович Шляпентох.